

АРИСТЕЙ

ARISTEAS • VOL. VI • MMXII • MOSQVAE

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Университет Дмитрия Пожарского

6

ISSN: 2220-9050

Журнал издается Университетом Дмитрия Пожарского

Редакционный совет:

Н.В. Брагинская (Москва), А.Ю. Виноградов (Москва), А.В. Коптев (Хельсинки), А.Е. Кузнецов (Москва), К.Г. Красухин (Москва), В.Ф. Новодранова (Москва), С.Ю. Сапрыкин (Москва), О.В. Сидорович (Москва), И.Е. Суриков (Москва), Г.Р. Цецхладзе (Мельбурн), Ю.А. Шичалин (Москва), Михаэль фон Альбрехт (Гейдельберг)

Editorial council:

Nina Braginskaya (Moscow), Andrey Vinogradov (Moscow), Alexander Koptev (Helsinki), Alexander Kuznetsov (Moscow), Konstantin Krasukhin (Moscow), Valentina Novodranova (Moscow), Sergey Saprykin (Moscow), Olga Sidorovitch (Moscow), Igor Surikov (Moscow), Gocha Tsetskhladze (Melbourne), Yuri Shichalin (Moscow), Michael von Albrecht (Heidelberg)

Редакционная коллегия:

А.В. Подосинов (главный редактор), А.С. Егоров (заместитель главного редактора), С.А. Степанцов (заместитель главного редактора), И.А. Макаров, А.В. Мосолкин, В.В. Файер, А.В. Белоусов (ответственный секретарь)

Editorial Board:

Alexander Podossinov (Editor-in-Chief),
Alexander Yegorov (assistant Editor-in-Chief), Sergey Stepantsov (assistant Editor-in-Chief), Igor Makarov, Alexey Mosolkin, Vladimir Fayer, Alexey Belousov (executive secretary)

На первой странице обложки – *Бегуны на Панафинейских играх. 530 г. до н. э. Staatliche Antikensammlungen. München.*

Сайт: www.s-end-e.ru/aristeas

E-mail: aristeas.classics@gmail.com

Информационная поддержка: www.librarius.narod.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	5
CONTENTS	9
ЛАТЫНЬ СЕГОДНЯ	
<i>Ф.Е. Корш</i> ΣΤΕΦΑΝΟΣ. Carmina partim sua Graeca et Latina partim aliena in alterutram linguam ab se conversa eligit, recensuit, in ordinem redegit Theodorus Korsch Mosquanus. Hauniaie MDCCCLXXXVI.	13
СТАТЬИ	
<i>Anca Dan</i> Quand Apollon portait en vol au-delà des Scythes	68
<i>Е.Г. Рабинович</i> Заметки о марафонской мифологии	91
<i>А.С. Егоров</i> Мудрость Диониса в «Вакханках» Еврипида	121
<i>В.В. Файер</i> Aristarchea	129
<i>О.Л. Габелко</i> Кое-что новое о родственниках Страбона	143
<i>А.В. Подосинов</i> Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н. э. и данные археологии и эпиграфики	157
<i>М.В. Шумилин</i> Полифем и «ослепленные безумием» в «Гражданской войне» Лукана	188
ΕΠΙΓΡΑΦΙΚΑ ΡΟΝΤΙΚΑ	
<i>А.В. Белоусов</i> Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2011 г.	206

MISCELLANEA

*А.В. Подосинов***К идентификации реки Аксен в Нуг. Intr. 6.** 226*Е.А. Щербакова***Ψυχή ἐρηγορέουσα или ψυχή ἐπεξέρπουσα. Что означает «выползающая душа» у псевдо-Гиппократата?** 228*А.В. Подосинов***Attaci, Attacores или Attacori (Plin. IV, 90)?** 234

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М.В. Шумилин. Рецензия на книгу: Wilson-Okamura D.S. Virgil in the Renaissance. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 237*А.В. Подосинов. Рецензия на книгу: Talbert Richard J.A. Rome's World: The Peutinger Map Reconsidered. Cambridge: Cambridge University Press, 2010* 242

ХРОНИКА

*Н.Е. Самохвалова***О работе IV Летней школы по изучению древних языков и античной культуры** 247*А.В. Логинов***Отчёт о III конференции общества любителей классических древностей «Societas antiquitati fovendae»** 250

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*А.И. Любжин***Генрих Гюйссен — воспитатель царевича Алексея Петровича** 253

PERSONALIA

К 90-летию профессора Азы-Алибековны Тахо-Годи 269**К 50-летию Гочи Ревазовича Цецхладзе** 271**The Eighty-Fifth Birthday of Professor Sir John Boardman** 278

ПРИЛОЖЕНИЕ: КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ В РОССИИ

*Е.В. Скударь***Профессор Московского университета Аполлон Аполлонович Грушка и Петербургский университет** 283

«Ифигения в Тавриде» Еврипида в переводе З.Н. Морозкиной, окончание (публикация М.С. Касьян)	302
Сокращения	320
Наши авторы	322
Правила оформления присылаемых статей	324

CONTENTS

Foreword of Editor-in-Chief	5
CONTENTS	9
LATIN TODAY	
<i>Theodorus Korsch</i> ΣΤΕΦΑΝΟΣ. Carmina partim sua Graeca et Latina partim aliena in alterutram linguam ab se conversa eligit, recensuit, in ordinem redegit Theodorus Korsch Mosquanus. Hauniae MDCCCLXXXVI.	13
PAPERS	
<i>Anca Dan</i> Quand Apollon portait en vol au-delà des Scythes	68
<i>E.G. Rabinovich</i> Notes on Marathon mythology	91
<i>A.S. Yegorov</i> Dionysus' Wisdom in the <i>Bacchae</i> of Euripides	121
<i>V.V. Fayer</i> Aristarchea	129
<i>O.L. Gabelko</i> Something new about the relatives of Strabo	143
<i>A.V. Podossinov</i> Evidence of Dio Chrysostom about the barbarization of Olbia in the first century AD in comparison with the data of archaeology and epigraphy	157
<i>M.V. Shumilin</i> Polyphemus and <i>furore caeci</i> in Lucan's <i>Bellum civile</i>	188

EPIGRAPHICA PONTICA

A.V. Belousov

- The Greek and Latin inscriptions of Ancient North Black Sea Region. 2011 year** 206

MISCELLANEA

A.V. Podossinov

- To the Identification of the Axenos river in Hyg. Intr. 6.** 226

E.A. Sherbakova

- Ψυχή ἐγρηγορεύουσα or ψυχή ἐπεξέρπουσα. What is Pseudo-Hippocrates' «creeping out soul»?** 228

A.V. Podossinov

- Attaci, Attacores or Attacori (Plin. IV, 90)?** 234

REVIEWS

- M.V. Shumilin. Review: Wilson-Okamura D.S. Virgil in the Renaissance. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.* 237

A.V. Podossinov. Review: Talbert Richard J.A. Rome's World:

- The Peutinger Map Reconsidered. Cambridge: Cambridge University Press, 2010** 242

CHRONICLE

N.E. Samokhvalova

- Fourth Summer School on Classics (August 2012)** 247

A.V. Loginov

- Report about the IIIrd Conference of Societas antiquitati fovendae.** 250

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN EDUCATION

A.I. Lubzhin

- Heinrich van Huysen the Educator of Prince Alexey.** 253

PERSONALIA

- To the 90-year anniversary of Aza Alibekovna Takho-Godi.** 269

- To the 50-year anniversary of Gocha Tsetskhladze** 271

- The Eighty-Fifth Birthday of Professor Sir John Boardman** 278

SUPPLEMENT. CLASSIC LANGUAGES IN RUSSIA

*E. V. Skudar'***Professor of the Moscow University Apollon Grushká
and the Saint-Petersburg University** 283**“Iphigenia in Tauris” of Euripides, translated by Z.N. Morozkina
the end (edited by M.S. Kasjan)** 302

ABBREVIATIONS 320

OUR AUTHORS 322

INFORMATION FOR AUTHORS 324

АРИСТЕЙ VI (2012)
С. 13–67

Ф.Е. Корш

ΣΤΕΦΑΝΟΣ. CARMINA PARTIM SUA GRAECA
ET LATINA PARTIM ALIENA IN ALTERUTRAM LINGUAM
AB SE CONVERSA ELIGIT, RECENSUIT, IN ORDINEM
REDEGIT THEODORUS KORSCH MOSQUANUS.
HAUNIAE MDCCCLXXXVI

ΣΤΕΦΑΝΟΣ.

CARMINA

PARTIM SUA GRAECA ET LATINA

PARTIM ALIENA IN ALTERUTRAM LINGUAM AB SE CONVERSA

ELEGIT RECENSUIT IN ORDINEM REDEGIT

THEODORUS KORSCH

MOSQUANUS.

HAUNIAE MDCCCLXXXVI.

SUMPTIBUS LIBRARIAE GYLDENDALIANAE (HEGELIORUM PATRIS ET FILII).

TYPIS SCHULTZIANIS.

ΣΤΕΦΑΝΟΣ.

CARMINA

PARTIM SUA GRAECA ET LATINA

PARTIM ALIENA IN ALTERUTRAM LINGUAM AB SE CONVERSA

ELEGIT RECENSUIT IN ORDINEM REDEGIT

THEODORUS KORSCH

MOSQUANUS.

HAUNIAE MDCCLXXXVI.

SUMPTIBUS LIBRARIAE GYLDENDALIANAE (HEGELIORUM PATRIS ET FILII).

TYPIS SCHULTZIANIS.

INDEX.

I.	Rossicum. Alexandri Puschkin	1.
II.	Th. Korschii	2.
III.	Graecum. Sapphus	2.
IV.	<i>Ἰνδικόν. Ἐκ Καλιδάσου</i> Çrngaratilakam	4.
V.	Graecum. Alphei Mitylenaei	4.
VI.	Th. Korschii. Ad Gabriel Athanasii F. Ivanof	5.
VII.	Proverbia Arabica	6.
VIII.	Graecum. Anacreonteum	7.
IX.	Th. Korschii	7.
X.	Rossicum. A. Feti	8.
XI.	Th. Korschii	8.
XII.	Graecum. Theognidis	9.
XIII.	Th. Korschii	9.
XIV.	<i>Γερμανικόν. Γοιθίου</i>	9.
XV.	Th. Korschii	10.
XVI.	Indicum. E Calidasi Çrngaratilakam	10.
XVII.	Th. Korschii	10.
XVIII.	<i>Ῥωσικόν. Ἀλεξάνδρου Ποῦσκιν</i>	11.
XIX.	Graecum. Hybriae Cretensis	11.
XX.	Th. Korschii	12.
XXI.	Indicum. Bhartriharis	12.
XXII.	Th. Korschii	12.
XXIII.	Rossicum. Delvigii	13.
XXIV.	Th. Korschii	13.
XXV.	<i>Περσικόν. Χαφίζου</i>	13.
XXVI.	Graecum. Anacreontis	14.
XXVII.	Th. Korschii	14.
XXVIII.	<i>Γερμανικόν. Σιλλέρου</i>	15.

Π

XXIX.	Graecum.	Rufini.....	15.
XXX.	Indicum	15.
XXXI.	Graecum.	Archilochi.....	16.
XXXII.	Rossicum.	Alexandri Puschkin.....	16.
XXXIII.	Th.	Korschii.....	17.
XXXIV.	Graecum.	Anacreonteum.....	18.
XXXV.	Ἰνδικόν.	Ἐξ Amarucatakam.....	18.
XXXVI.	Th.	Korschii.....	19.
XXXVII.	Graecum.	Lucilli.....	19.
XXXVIII.	Th.	Korschii.....	19.
XXXIX.	Graecum.	(Anthol. Pal.).....	20.
XL.	Th.	Korschii.....	20.
XLI.	Rossicum.	Delvigii.....	20.
XLII.	Th.	Korschii.....	21.
XLIII.	Ἰνδικόν	21.
XLIV.	Th.	Korschii.....	21.
XLV.	Graecum.	Anacreonteum.....	21.
XLVI.	Th.	Korschii.....	22.
XLVII.	Graecum.	Sophoclis.....	23.
XLVIII.	Th.	Korschii.....	24.
XLIX.	Ῥωσσικόν.	Ἀλεξάνδρου Ποῦσκιν.....	24.
L.	Th.	Korschii.....	24.
LI.	Graecum.	Alphei Mitylenaei.....	25.
LII.	Th.	Korschii.....	25.
LIII.	Indicum.	Calidasi Çakuntalā.....	25.
LIV.	Graecum.	Anacreontis.....	26.
LV.	Th.	Korschii.....	26.
LVI.	Germanicum.	Schilleri.....	27.
LVII.	Th.	Korschii.....	27.
LVIII.	Graecum.	Theognidis.....	27.
LIX.	Th.	Korschii.....	28.
LX.	Armeniacum.	Shah-azizi.....	28.
LXI.	Germanicum.	Goethii.....	29.
LXII.	Persicum	29.
LXIII.	Γερμανικόν.	Γοιθίου.....	30.
LXIV.	Th.	Korschii.....	30.
LXV.	Ἀραβικόν	30.
LXVI.	Graecum.	Paulli Silentiarrii.....	31.
LXVII.	Indicum	31

III

LXVIII.	Rossicum, Alexandri Puschkin	32.
LXIX.	Indicum, E Calidasi Urvaçī	34.
LXX.	Th. Korschii	34.
LXXI.	Graecum, Anacreonteum	35.
LXXII.	Th. Korschii	35.
LXXIII.	Graecum, Cratetis	36.
LXXIV.	Θ. Κορσίον	36.
LXXV.	Arabicum	36.
LXXVI.	Th. Korschii	37.
LXXVII.	Graecum, Menandri	37.
LXXVIII.	Th. Korschii	38.
LXXIX.	Rossicum, Alexandri Puschkin	38.
LXXX.	Ἰνδικόν	39.
LXXXI.	Th. Korschii	39.
LXXXII.	Graecum, Addaei	39.
LXXXIII.	Th. Korschii	40.
LXXXIV.	Γερμανικόν. Γειθίου	40.
LXXXV.	Th. Korschii	40.
LXXXVI.	Graecum, Anacreonteum	41.
LXXXVII.	Ῥωσσικόν. Ἀλεξάνδρου Ποῦσκιν	42.
LXXXVIII.	Th. Korschii	42.
LXXXIX.	Graecum, Meleagri	43.
XC.	Th. Korschii	43.
XCI.	Indicum, Bhartriharis	43.
XCII.	Graecum, Antiphanis	44.
XCIII.	Th. Korschii	44.
XCIV.	Καρνικόν. Φραγμίσκου Πρεσίρνον	44.
XCV.	Th. Korschii	45.
XCVI.	Germanicum, Goethii	46.
XCVII.	Περσικόν. Ἀμμάρου	46.
XCVIII.	Th. Korschii	46.
XCIX.	Graecum	47.
C.	Θ. Κορσίον. Πρὸς Οὐέστφάλιον	47.
CI.	Indicum	48.
CII.	Ἰνδικόν	48.
CIII.	Graecum, Anacreontis	48.
CIV.	Th. Korschii	49.

I.

Rossicum.

ALEXANDRI PUSCHKIN.

Phoebi sacerdos, dum patitur deus
Cessare sacro munere liberum,
In vana nitenti popello
Isdem agitur male firmus auris.

Tum sancta plectro non resonat lyra
Soporque tardus pectora possidet
Ac futille inter volgus ipso
Futtillior, dubium, an sit ullus.

Divina sed vox cum sonuit cavas
Ad vatis aures, emicat ingeni
Occulta virtus, ut recurrit
Mox aquilae vigor excitatae.

Profana iam iam gaudia respuit
Vitatque famae murmura publicae
Nec fronte prolapsus superba
Delicias populi salutat

2

Tristisque et asper, pectore dulcium
Pleno modorum, non sine numine
Litus remotum sive late
Fronde petit strepitante lucum.

II.

Dum me carminibus iugulas, audire, Bianor,
Te cupidum esse, mihi quid videatur, ais.
Desine flagitio scelus addere: dic age plane
Non te iudicium velle, sed auriculas.

III.

Graecum.

SAPPHUS.

O Venus, picta dea clara sede,
Te precor, proles Iovis o dolosa,
Ne mea aerumnis crucies et atris
Pectora curis.

Quin veni rursus memor ex Olympo
Te meis olim precibus vocatam
Aureis magni domibus parentis
Ire relictis,

3

Cum tuos currus volucres citatae
Desuper terrae sola nigra ferrent,
Axe de summo valida secantes
Aethera penna.

Mox, ubi nostrum tetigere limen,
Ore tu semper roseo renidens,
Quid mali indignam premeret, rogabas,
Quidve vocarem

Et mihi quidnam male sana vellem:
»Quem tuis nondum facilem requiris
Obsequi votis? quis iniquus, ede,
Sit tibi, Sappho.

Namque si vitat, cito te sequetur,
Dona si spernit, sua mittet ultro,
Oscula ut nolit dare, vel negantis
Carpet ab ore.«

Nunc quoque accedens vacuum molestis
Fac meum curis animum atque voti
Computem et praesens sociis in armis
Ad latus adsta.

4

IV.

Ἰνδικόν.

ἘΚ ΚΑΛΙΔΑΣΟΥ ὘ΡἸΓΑΡΑΤΙΛΑΚΑΜ.

Θηροτήρ ἐστ' ἦδε πάις, τὼ δ' ὄφρ' ἔτοξα,
 Βλέμματα λόξ' ἰοί, κῆρ δ' ἐμόν ἐστιν ἄγορ.

V.

Graecum.

ALPHEI MITYLENAEI.

(Anthol. Pal. IX 526).

Invictos praeclude aditus sublimis Olympi
 Et tutare domos, Iuppiter, aetherias.
 Sunt etenim iam armis pelage terraeque latinis
 Debellata: Iovis regna domanda manent.

Anca Dan

QUAND APOLLON PORTAIT EN VOL AU-DELÀ DES SCYTHES¹

Les *Arimaspeia*, épopée du voyage vers les Hyperboréens, ont peut-être représenté une première à plusieurs égards pour les Anciens: certes, Aristéas de Proconèse a dû développer des motifs épiques antérieurs. Mais il a vraisemblablement été le premier à s'inventer en tant que poète apollinien, ailé, décrivant un itinéraire aérien entre sa ville natale de la Propontide et une région située au-delà des monstres nord-orientaux de l'œkoumène. Le caractère exceptionnel de cette œuvre et des éléments supposés biographiques qu'elle devait inclure a favorisé le développement de légendes, entre l'époque classique et l'époque romaine. Ainsi, quand on se penche sur les échos qui nous en sont parvenus, il convient de faire la différence entre ce que l'on a pu inventer au sujet du barde et ce que pouvait contenir son poème, vraisemblablement fixé par écrit dès l'époque archaïque. Cette distinction nous permet, dans la présente étude, d'analyser, tout d'abord, ce que les Anciens, familiers avec le contenu des *Arimaspeia*, s'imaginaient au sujet d'Aristéas. Dans un second temps, nous présenterons les principaux indices de datation que les citations conservées peuvent inspirer aux savants modernes. Nous concluons sur une datation de compromis pour la composition de ce texte, origine de riches traditions poétiques et philosophiques.

¹ Nous remercions Prof. Alexandre Podossinov pour cette publication et Prof. Florica Bechet, pour les discussions sur certains points développés ici. Ces idées ont été formulées dans le cadre de notre thèse (Dan 2009; cf. Dan 2008a).

1. Aristéas et les *Arimaspeia*: vues d'ensemble

Comme d'autres érudits archaïques entrés dans la légende grecque, le poète de Proconnèse est à l'origine d'une création que l'on peut difficilement inscrire dans un genre ou un mode littéraire, soit-il ancien ou moderne. Stephanie West a saisi toute la complexité de l'étude d'Aristéas, en rappelant que les fragments qui lui sont attribués apparaissent à la fois dans les recueils consacrés aux poètes épiques archaïques et dans les *Fragmente der griechischen Historiker*². En effet, parmi les études les plus importantes sur cette œuvre perdue, on compte des ouvrages sur la spiritualité grecque³, le travail sur le pythagorisme de Walter Burkert⁴ et, bien évidemment, les études concernant l'histoire de l'extrémité nord-orientale de l'œkoumène en général et de la mer Noire plus particulièrement⁵. Ces différentes interprétations ont eu comme conséquence directe l'invention de plusieurs «Aristéas» possibles. Pour certains, il aurait été un chaman comme ceux que l'on a encore trouvés en Sibérie⁶. En suivant une approche plus moderne, d'autres érudits ont supposé l'existence de tels chamans dans la Méditerranée grecque⁷. Pour beaucoup de chercheurs positivistes et rationalistes, Aristéas a dû être un audacieux voyageur dans les steppes sino-mongoles⁸.

² West 2004: 43; FGrHist 35; Bernabé Pajares 1979: 344–354; Bernabé 1988: 144–154; Davies 1988: 81–88; West 2003.

³ Bremmer 1983: 25–38; 2002: 27–40, 145–151.

⁴ Burkert 1972: 147 *sq.*; cf. Burkert 1998.

⁵ E.g. Rostowzew 1931: 19, *etc.*; Иванчик 1989 = Ivantchik 1993; Тохтасъев 1993: 28–29 (*non uidi*); Пьянков 1978 et 1997 (*non uidi, apud* Щеглов 2001).

⁶ L'image d'Aristéas en tant que chaman d'inspiration finno-ougrienne ou, plus généralement, nord-asiatique, avait été entérinée progressivement par les prestigieuses études de Meuli 1935, et Dodds 1951: 141 *sq.*, suivis par Phillips 1955 et 1957, Bowra 1956; une nouvelle impulsion dans la même direction du chaman non-grec avait été donnée par Eliade 1972, suivi par Culianu 1983: 26–27; cf. aussi Culianu 1981, prenant comme point de départ le magicien grec qui a échoué dans son vol d'Icare au Cirque, d'après *Suétone*, Néron 12. Rappelons aussi le conservatisme de la même thèse chez Levi 1989, qui y ajoute des éléments d'ethnographie altaïque. Après la réponse de Dowden 1980 à la thèse de Bolton, Martin 2004 revient encore à la formule origininaire de Meuli.

⁷ Burkert 1962; Brown 1981. Voir aussi Ogden 2002: 14, qui essaye de pousser encore plus loin l'approche structuraliste et de déceler dans la légende d'Aristéas plusieurs légendes indépendantes concernant des déplacements de l'âme; dans une perspective religieuse, Flower 2008, offre désormais une image plus hellénocentrique du μάντις (e.g. p. 231, pour une différence entre la Pythie et les chamans); une synthèse de ces «accommodations» modernes du chamanisme est présente chez Bierl 2007. *Contra*, voir surtout Zhmud 1997: 107–116.

⁸ Cf. Birch 1950; surtout Bolton 1962, qui, tout en ayant le mérite d'avoir rejeté l'interprétation religieuse, dominante à son époque, a imposé la thèse historicisante d'un voyageur grec du VIIe siècle av. J.-C., qui se serait rendu en Mongolie en suivant le Tanaïs et la Volga, traversant les pays des Méotes et des Sauromates/Amazones, jusqu'à la Porte Dzungarienne (= maison de Borée), frontière des Hyperboréens. Cette route, entièrement hypothétique, serait celle des migrations scythes et serait opposée à celle, dite commerciale, d'Hérodote.

Certains croient à l'adhésion à l'école pythagoricienne⁹. Enfin, d'autres le voient tout simplement comme un poète épique inspiré, qui appartenait à la tradition de l'*Odyssée* et des *Argonautiques* – et, ajouterions-nous, à d'autres traditions épiques de voyages qui pouvaient être développées dans une Anatolie multiculturelle. Grâce à des voyages – peut-être les siens, peut-être ceux des autres –, il a pu entrer en contact avec des personnes assez bien informées sur ce que les Grecs pouvaient savoir de la géographie et de la culture des peuples nord-iraniens¹⁰. En effet, Aristéas de Proconnèse tient, à travers les différents regards des Anciens, quelque chose de chacune de ces images. Ainsi, il est impossible aujourd'hui – comme cela l'était déjà à l'époque antique – de décider si Aristéas était véritablement un chaman de formation asiatico-égéenne ou s'il avait des capacités surnaturelles supposées acquises dans les cercles pythagoriciens. Une analyse scientifique d'aujourd'hui ne peut traiter que ce qu'ont cru les Anciens qui ont lu les *Arimaspeia* et d'autres opinions à leur égard et dont nous n'avons conservé que des échos.

Aristéas chez les Anciens

Dans les multiples traditions antiques concernant la biographie d'Aristéas, on pourrait déceler au moins trois datations différentes, fondées sur des principes plus ou moins facilement discernables. Même si elles s'avèrent fausses selon les critères de la chronologie moderne, elles sont néanmoins dignes d'être prises en compte, pour nous avoir renseignés sur la perception d'Aristéas et de son ouvrage géographique, tout au long de l'Antiquité. Nous examinons donc, une à une, les thèses d'un Aristéas pré-homérique (en lisant principalement Strabon), d'un Aristéas de la génération des colons fondateurs (sur la base des doctrines pythagoriciennes dont on retrouve l'écho chez Hérodote) et d'un Aristéas appartenant à la génération des premiers Pythagoriciens (selon la tradition de la *Souda*), contemporain de Phérécyde au VIe siècle av. J.-C., intéressé à apprendre et à expliquer le monde.

Dernièrement, Alemany i Vilamajó 1999: 50 *sq.*, poursuit la piste historicisante, proposant un rapport entre les migrations scytho-cimmériennes (auxquelles un Aristéas du VIIe siècle av. J.-C. ferait vraisemblablement référence) et la chute de la dynastie ouest-chinoise Zhou, après les invasions Xianyun attestées dans le *Livre chinois des Odes*.

⁹ Colli 1990: 322–335; Ivantchik 1993, repris dans la synthèse de Mercier 2006.

¹⁰ West 2004: 56–57, 63–64. La savante écrit une analyse très convaincante sur ce «prototype of the genre of utopian travel narrative», attirant l'attention sur la distinction à faire entre chamanisme et inspiration poétique (*cf.* déjà Finnegan 1977: 207–210, «The Poet as Seer») et rappelant le motif folklorique du «vol de l'esprit» (*cf.*, *e.g.*, Daxelmüller 1984), qui ne doit pas être forcément assimilé aux pratiques religieuses nord-asiatiques. Pour une perspective plus large, intégrant les philosophes, voir surtout Hadot 1988.

La première datation est peut-être issue d'une logique principalement littéraire: dans son argumentation en faveur d'un Homère connaisseur du Pont-Euxin, Strabon fait d'Aristéas le prédécesseur, voire le maître du Barde (14. 1. 18). Ce sont ses Arimaspes qui auraient inspiré à l'auteur de l'*Odyssée* l'invention des Cyclopes qui-n'ont-qu'un-œil (1. 2. 10)¹¹. De fait, du point de vue du Géographe, les *Arimaspeia* sont une Σκυθική ἱστορία. Cette expression pourrait être interprétée de deux manières: dans une perspective purement hellénique, on dirait que Strabon inscrivaient ces chants épiques, de manière anachronique, dans un genre ethnographique qui ne se développerait qu'à l'époque classique. Mais, si l'on tient compte de l'enjeu de sa démonstration homérique *pro*-pontique et de sa condamnation du «charlatan hors pair» («Ἀριστέας ὁ ποιητῆς τῶν Ἀριμασπειῶν καλουμένων ἐπῶν, ἀνὴρ γόης εἴ τις ἄλλος», 13. 1. 16), on pourrait affirmer que Strabon – ou celui auquel il a emprunté ces renseignements – considérait qu'Aristéas avait joué le rôle d'intermédiaire entre les légendes scythes originales et les mythes homériques.

Strabon n'est pas le seul à soutenir cette thèse. Il l'a peut-être empruntée à la tradition exégétique pergaménienne, d'inspiration stoïcienne, qui a développé des chronologies utilisées ensuite par des auteurs tardifs. En effet, cette inscription d'Aristéas parmi les prédécesseurs plus ou moins proches d'Homère apparaît également dans les listes des exégètes chrétiens¹²: outre les jugements de valeur littéraire et l'association du Proconnésien avec d'autres poètes présumés pré-homériques, l'invasion des Cimmériens en Asie Mineure a dû également jouer. Il était facile de rapprocher le poète qui décrivait les Arimaspes, considérés à l'origine de la chaîne migratoire Issêdono-scytho-cimmérienne, et Homère, auquel on attribuait la localisation des Cimmériens aux portes de l'autre monde¹³.

Outre le caractère clairement artificiel de ce raisonnement chronologique, il est évident pour tout historien moderne qu'il s'agit d'un anachronisme flagrant: né à Proconnèse (où plutôt, si l'on suit George Huxley, dans l'Ancienne Proconnèse, correspondant au site moderne de Halone), Aristéas fils de Kaystrobios ou de Dêmocharis est nécessairement postérieur à la colonisation milésienne de l'île propontique, vers 680 av. J.-C.¹⁴. La datation préhomérique est donc pratiquement impossible et appuyée sur une logique purement littéraire, homérisante.

¹¹ Pour cette ressemblance entre Arimaspes et Cyclopes (remarquée également par *Aulu-Gelle* 9. 4. 6), confirmée par les rapprochements textuels entre Aristéas (fr. 6 Bernabé = 2 Davies = 3 Bolton *apud Tzetzes*, Chiliades 7. 691–692) et des esquisses hellénistiques de Cyclopes, voir Ivantchik 1993: 44–47, qui a raison de supposer l'existence «d'un schéma littéraire appliqué, avant son époque <sc. d'Aristéas>, à la description des cyclopes».

¹² Cf. *Tatien*, Discours aux Grecs § 41 = *Eusèbe de Césarée*, Préparation évangélique 10. 11. 27.

¹³ Ivantchik 1993: 58–59.

¹⁴ Souda *s.u.* «Ἀριστέας»; *Ps.-Eudokia* [=Konstantinos Paleokappa], *Violarium* §157. Huxley 1986: 153–154; sur la fondation de la colonie, voir aussi la synthèse de Ehrhardt 1983: 38–40, et, dernièrement, de Avram 2004.

Е.Г. Рабинович

ЗАМЕТКИ О МАРАФОНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Марафонская битва, юбилей которой недавно отпразднован, имеет в европейской истории особое значение – не даром сам Джон Стюарт Милль писал, что для британцев она важнее битвы при Гастингсе. Тем не менее, как было замечено уже в 1920 г., в специально посвященном Марафону выпуске *Journal of Hellenic Studies*, «Марафон, едва ли не самая важная из битв классической древности, описана особенно бессвязно»¹, – досада не вовсе безосновательная, хотя не всякий, как некогда Дельбрюк, решится, не слишком оглядываясь на Геродота, чуть ли не переписать заново весь ход знаменитой баталии. В 1927 г. Норман Уотли в докладе на заседании Оксфордского филологического общества наглядно показал, что многого о Марафонской битве мы не знаем и не узнаем никогда, – почти сорок лет спустя, после настойчивых просьб, он практически без изменений опубликовал этот свой доклад², который с тех пор перепечатывается даже в хрестоматиях и обсуждается в блогах. Однако не только многие фактические детали сражения (число воинов, наличие у персов

¹ Casson 1920: 43.

² Whatley 1964: 129–138. Знаменитая статья, где в подписи даже инициал N. не раскрыт, так и осталась единственным известным научным трудом Н. Уотли, но благодаря усердию и смекалке А.В. Мосолкина удалось собрать об авторе кое-какие сведения. Норман Уотли (1884–1965) с отличием закончил оксфордский Hertford College, в 1907–1923 гг. преподавал там древнюю историю, даже был одно время деканом, во время войны служил в Оксфордском кадетском батальоне и затем во Франции (отсюда его прикладные сведения о военном деле), но, хотя и позже в течение жизни иногда занимал университетские должности, его явно больше манила административная и общественная карьера – вершиной ее стало избрание его в 1949 г. мэром Оксфорда (подробнее см. http://www.oxfordhistory.org.uk/mayors/1836_1962/whatley_norman_1949.html).

конницы, знаменитая атака, etc.) с поводом или без повода остаются для современных ученых спорными, но даже у древнеклассических авторов связанные с Марафонской битвой легенды переданы не слишком вятно – так, Геродот сообщает о помощи афинянам Пана, однако не говорит, чем именно он помог, а Ксенофонт точно так же не говорит, чем помогла афинянам Артемиды Бравронская. Всё это рождает естественное желание восполнить неизвестное и/или исправить искаженное; именно из подобных желаний порой возникают новые мифы.

Известно, что выдающиеся события почти всегда запускают мифотворческий процесс, который длится, пока событие сохраняется в памяти культуры, а иногда и дольше. При этом как для мифотворчества вообще, так (и тем более) для мифотворчества исторического, сверхъестественный компонент необязателен, и восхваляемая Аристофаном отроческая чистота будущих марафономатов (Nub. 961–986) – такой же миф, как мифы хоть о смерти Суллы от «вшивой болезни», хоть о водружении красного знамени над Рейхстагом. Выдающиеся события запускают мифотворческий процесс, в частности, потому, что миф – самый традиционный и самый простой способ осмысления прошлого, почти всегда недостаточно известного и недостаточно понятного. Познавательный смысл традиционных мифов об «оном времени» созидания и становления космоса самоочевиден (как еще объяснить, откуда взялось эхо и почему никто его не видит?), но и не слишком давняя история в процессе мифологизации упрощается, приобретает повествовательную связность, делается доступнее восприятию. При всем том баснословные предания *illius temporis* на фактическую достоверность не претендуют, им довольно обладать этиологической значимостью и пройти цензуру общего мнения – а затем рассказы хоть о происхождении эхо, хоть о похищении Европы, хоть о преступлении Тантала обретают присущую мифу авторитетность, пусть не мешающую рассказывать то же самое по-другому. Точно таким же способом приобретают авторитетность и исторические мифы, но они, даже в древности, куда чаще претендуют на правдивость, а при верховенстве науки, то есть по меньшей мере последние лет полтора, мифологический престиж обычно подменяется престижем исторической достоверности, что, в сочетании с научным по видимости контекстом, иногда делает миф трудно опознаваемым.

В этой небольшой работе читателю предлагается очерк эволюции двух ассоциированных с Марафонской битвой мифов: о помощи Пана и о предпринятом вскоре после победы нападении Мильтиада на Парос. В обоих случаях по ходу анализа нельзя обойтись без повторения известного – как ради удобства изложения, так и ради сопоставления первичных и вторичных источников. Впрочем, текстов, где Марафонская битва и поход на Парос описаны от начала до конца, всего два, и проще вкратце охарактеризовать их уже сейчас.

Итак, первым описал Марафонскую битву и ее ближайшие последствия Геродот, для которого это один из начальных эпизодов греко-персидских войн – эпизод важный (первая победа греков над персами), но куда менее важный, чем Саламинское сражение, а потому и описанный куда менее подробно. Такая позиция понятна: при Марафоне афиняне отбили от сравнительно небольшого карательного корпуса Датиса, а при Саламине соединенные морские силы греков во главе с афинянами на глазах у царя царей одержали победу над всем персидским флотом. Разумеется, Геродот, переселившийся в Афины лет на срок позднее, все сведения получил с неизбежными искажениями, и все-таки его рассказ – единственный рассказ если не современника, то почти современника, заставшего и кое-кого из уцелевших марафономахов, и их младших родственников, и сохранные городские архивы, так что, при всех претензиях к Геродоту³, сопоставимого с «Историей» источника попросту не существует. Правда, иногда почти столь же полезной считается написанная Корнелием Непотом краткая биография Мильтиада. Писал ее Непот через полтысячи лет после событий, зато располагал дошедшей до нас лишь в отрывках «Историей» Эфора, откуда предположительно и почерпнул некоторые отсутствующие у Геродота подробности. Эфор жил веком позднее Геродота и не рассказывал о греко-персидских войнах, а писал всеобщую историю почти *ab ovo* (от возвращения Гераклидов), но, конечно, и о греко-персидских войнах написал немало; в эллинистическую эпоху его труд читали охотно, и у Непота были все основания им пользоваться.

Зато нельзя не отметить, что со времени Геродота престиж Марафонской победы неуклонно рос: то, что важно уже в «Истории» – что это первая победа греков над персами, – в исторической перспективе становилось всё важнее⁴. Вдобавок, в отличие от долгой истории греко-персидских войн, состоящей не из одних успехов и завершившейся, в сущности, восстановлением *status quo*⁵, история Марафонской битвы компактна и завершается победой афинян – неудивительно, что этот исторический эпизод, полулегендарный уже при Ге-

³ Иногда категорических: e.g. Gomme 1952: 77–83.

⁴ Так, у Демосфена Марафон и Саламин упоминаются одинаково часто (12 и 13 раз) – в его время символическая значимость обеих побед давно превзошла историческую. В совсем недавней статье Герке о «культурной биографии» Марафона (Gehrke 2009: 85–101) прослежены судьбы марафонской идеи сначала в Афинах, где идея эта служила доказательством извечного верховенства афинян в защите эллинов от варваров, затем на окраине эллинского мира, у воевавших с галатами (тоже варварами!) Атталидов, и, наконец, в современном мире, где Марафон превратился в символ борьбы за ценности западной цивилизации.

⁵ Хотя справедливость требует признать, что вплоть до сего дня окончательной победой и полным разгромом персов иногда без всяких оснований представляется Саламин; cf. Roettig 2010: 26.

родоте и во многом благодаря Геродоту⁶, со временем все больше обрастает легендами, включая едва ли не самую знаменитую, о воине, прибежавшем в Афины с криком «мы победили» и так создавшем всем известную марафонскую дистанцию. Воина этого звали то ли Ферсипп, то ли Филиппид, то ли (вероятнее всего) Фидиппид⁷, и он – в несколько иной роли, хотя столь же быстроногий, – появляется уже у Геродота, незадолго до Марафонской битвы, к которой и пора, наконец, обратиться.

ПАНИКА

Введение. Непосредственным поводом к Марафонской битве была высадка экспедиционного корпуса, посланного Дарием для наказания афинян и евбейских эретрийцев за помощь восставшим ионийским городам. Помогали афиняне ионийцам неохотно (*Hdt.* V.97) и недолго (*ibid.* 103), однако царю их поведение должно было казаться тем более возмутительным, что чуть раньше они посылали к сатрапу Артаферну-старшему за помощью против спартанцев, а тот потребовал «землю и воду», и афинские послы согласились, хотя по возвращении были осуждены (*ibid.* V.73). Был договор ратифицирован или не был (прямо об этом Геродот не говорит), Дарий подобными категориями, разумеется, не мыслил: получив «землю и воду», он должен был видеть в афинянах не просто врагов, а еще и взбунтовавшихся подданных, а с бунтовщиками он волевал всю жизнь⁸. Поэтому, подавив ионийское восстание, он уже в 492 г. послал на афинян и эретрийцев своего зятя Мардония в сопровождении флота, однако на войско напали фракийцы, корабли погубила буря, и Мардоний вернулся ни с чем. Тем не менее, царь с присущим ему упорством двумя годами позднее

⁶ О склонности Геродота объяснять многие события прямым божественным вмешательством см.: Доватур 1957: 117; ср.: Logaux 1973: 13–42. Если для А.И. Доватура подобные эпизоды служат иллюстрацией «повествовательного» стиля Геродота, в котором баснословие уместно, Николь Лоро в статье о Марафоне подходит к проблеме проще, рассматривая рассказ Геродота как полностью сплетенный с мифологией. Так как благочестие Геродота ставил под сомнение разве что споривший с ним Плутарх, современные работы о религии у Геродота в основном характеризуются именно таким, по-своему иллюстративным, подходом.

⁷ Плутарх (со ссылкой на Гераклида, но и тот родился через сто лет после Марафона) рассказывает о воине Ферсиппе, принесшем в Афины весть о победе (*De glor. Ath.* 347 с 7); в процессе развития легенды этот Ферсипп был отождествлен с геродотовым скороходом Фидиппидом, искаженным в Филиппида; такой «испорченный телефон» нередко присущ успешно транслируемым из поколения в поколение мифам.

⁸ В сохранившейся части Бехистунской надписи описаны более ранние события, но общая тенденция очевидна: покоренные народы восстают часто, и у Дария всегда хватает силы и охоты снова и снова подавлять всех, «кто не со мной», чтобы «страна стала моей» (пер. М.А. Дандамаева); ср.: Дандамаев 1963: 190–192.

послал против афинян, теперь уже только по морю, упомянутый корпус во главе с полководцем Датисом и сатрапом Артаферном-младшим, которые везли с собой изгнанного двадцатью годами ранее тирана Гиппия, намереваясь вернуть ему власть (ионийские города для удобства персов управлялись тиранами, что было одной из причин восстания). По пути к Афинам персы разграбили несколько островов, в том числе Делос и Наксос, затем напали на Эретрию и взяли в плен всех не успевших укрыться эретрийцев, а затем пристали к Аттике близ Марафона. Место это им присоветовал Гиппий, и для высадки оно, действительно, удобное: просторно, рядом бухта, до Афин и (через пролив) до покоренной Эретрии недалеко. Однако прежде греки в открытом поле не бились⁹, персы применяли осаду и всегда с успехом, а на сей раз вышло иначе: перед персами, закрыв единственную дорогу к городу, встали афиняне.

Примерно до этой точки историю Марафонской битвы можно без особых оговорок рассказывать по Геродоту, потому что достаточно подробное его свидетельство сомнений не вызывает, да и другие авторы, если сообщают, сообщают то же самое: персы приплыли и начали высадку, но дорогу к городу перекрыли афиняне вместе с небольшим отрядом союзных платейцев – а решились они на это после разрушения Эретрии. Зато именно здесь начинаются споры и прежде всего о численности комбатантов.

Геродот пишет, что афинян вместе с платейцами было десять тысяч, а персов больше¹⁰, другие древние авторы этому следуют (у Непота персов сто тысяч!), однако не все новоевропейские историки им верят, и тому есть основания: известно, что после победы над сильным противником победители нередко преувеличивают его численность, так добавляя победе блеска, – и Геродот не был исключением, что особенно заметно далее, в описании идущих на Элладу несчетных полчищ Ксеркса. Есть сомнения и касательно численности афинян и платейцев: их, по мнению некоторых, тоже должно было быть меньше, хотя здесь преувеличение (при несомненном округлении чисел) если и есть, то не в разы. К сожалению, все доказательства основаны на сравнениях с другими битвами, о которых тоже не всё известно, или на демографических реконструкци-

⁹ Исключением можно считать битву при Малене, во время ионийского восстания, когда персидская конница легко обратила греков (об их числе и вооружении Геродот не говорит) в бегство (*Hdt.* VI.29).

¹⁰ Геродот не сообщает, сколько именно, пишет лишь, что Датис шел на шестистах кораблях (*ibid.* VI.95) – слишком круглое число, да и воинов на разных судах бывало разное количество, однако при всем том можно полагать, что войско Датиса навряд ли было малочисленное войско Мардония, у которого якобы было более двадцати тысяч воинов (*ibid.* VI.44).

ях, которые неизбежно гипотетичны¹¹, – притом помочь в интерпретации мифа никакие числа не могут. И все-таки допустимо предположить, что со стороны афинян в сражении участвовало если и меньше десяти тысяч, то ненамного, так как Афины уже и тогда были немаленьким городом, а за оружие взялись все или почти все, кто был способен его носить¹², персов же, как сказано, было заметно больше, что явствует и из поведения афинян. Датис двигался к Аттике небыстро, грабил острова, задержался совсем рядом, на Евбее, и в Афинах знали не только о приближении персов, но и об их численности прежде, чем те причалили к Марафону, – если афиняне рассылали гонцов с просьбами о помощи, стало быть, по их собственному мнению, у них самих людей было маловато. Пусть подсчеты афинян были не совсем верны, навряд ли они были совсем уж не верны; притом просьба о помощи (своевременно откликнулись на нее только платейцы) накладывает на просящего обязательства, исполнение которых может оказаться тягостно, особенно если просить недавних противников, например, спартанцев... – словом, раз просили помочь, значит, собственных сил не хватало, а сколько именно было сил, это для задач данной работы не так и важно.

Боги при Марафоне. С поиска союзников и начинается миф о Панае. Геродот рассказывает, что при приближении персов афиняне отправили в Спарту за помощью скорохода Фидиппида, которому на пути в Лакедемон через Аркадию явился Пана и спросил, почему афиняне совсем его не чтят, хотя он «уже бывал им полезен и еще будет» (ἤδη χρησίμου, τὰ δ' ἔτι καὶ ἔσομένου) – потому-то, «едва дела наладились» (εὖ ἤδη τῶν πρηγμάτων) афиняне воздвигли Пану святилище под Акрополем (*Hdt.* VI.105). Спартанцы прийти обещали, но прислали свой двухтысячный отряд слишком поздно, уже после победы, а об участии Пана или иного божества в Марафонской битве Геродот далее не сообщает, хотя Пана знает хорошо, считает сыном Пенелопы¹³ и отождествляет с египетским Мендесом (*ibid.* II.145–146). Чем Пана раньше бывал «полезен» афинянам, об этом тоже ни

¹¹ Так, в 480 «гоплитского ценза и выше» в Афинах было якобы 15000 (*Gomme* 1933: 29; *Ehrenberg* 1957: 24).

¹² По рассказу Геродота выходит, что в Афинах воинов не осталось или почти не осталось, а значит, те, кто обычно нес гарнизонную службу (слишком старые и слишком молодые), вместе со всеми ушли к Марафону. Геродот не упоминает о принятой незадолго до высадки персов псефисме Мильтиада «выступить в поход» (*Aristot. Rhet.* 1411 a 10, cf. *Demosth.* XIX.303); новоевропейскими исследователями эта псефисма иногда понимается в таком смысле, что Мильтиад объявил «всеобщую мобилизацию», но прямых доказательств этому нет, – а с другой стороны, покинуть город и встретить врага у места высадки было решением не совсем обычным и тоже, возможно, требовавшим особого постановления, именно чтобы «выступить в поход».

¹³ Эта (неполная) генеалогия Пана – самая странная, но и самая ранняя из сохранившихся; о развитии мифологии Пана см.: Рабинович 2007: 345–354.

Геродот, ни тем более кто-либо другой не говорит, хотя тут можно припомнить ходивших через Аркадию путников, естественно зависевших от местного лешего, пусть история о встрече с ним скорохода наверняка возникла *ex eventu*.

Рассказы об участии в Марафонской битве других богов и героев тоже, разумеется, существовали, и некоторые сохранились. Геродот передает рассказ марафономаха Эпизела, что, мол, некий бородатый великан убил его товарища, а сам он, Эпизел, в тот же миг навсегда ослеп (*ibid.* VI.117), – помощью такое не назовешь, но Эпизел несомненно встретился с каким-то божеством. Павсаний передает местный марафонский рассказ о герое Эхетлае, который бил персов сохой и многих побил (*Paus.* I.15.3; I.32.4), – свидетельство навряд ли вымышленное, слишком безвестен этот Эхетлай, хотя нельзя сказать, восходит ли легенда о нем и что «бог» (то есть Аполлон Пифийский, к которому, стало быть, нарочно за этим посылали) назвал его имя и велел чтить героем, – восходит ли эта легенда к временам марафономахов или все-таки к более поздним. Рассказ Плутарха о ведущем афинян в бой Тесее (*Plut. Thes.* 35) тоже поздний, а культ Тесея хоть и распространился в Аттике вскоре после Марафонской битвы, мог быть связан не только с ней, но и, например, с последовавшим вскоре возвышением Афин, когда Тесею были приписаны многие подвиги, – поэтому и тут нельзя определить, восходит ли миф к собственным преданиям марафономахов. Зато к ним, несомненно, восходит миф о помощи Артемиды Бравронской, отраженный в обряде и сохраненный Ксенофонтом: перед битвой афиняне обещали принести богине в жертву столько коз, сколько будет убито врагов, но после победы коз не хватило, поэтому решили приносить по пять сотен в год¹⁴ и приносят «по сей день» (*Anab.* III.2.12), – при Ксенофонте, лет через шестьдесят после битвы, обряд сохранялся, в достоверности его мотивировки можно не сомневаться, а вот чем именно помогла афинянам Артемида, этого Ксенофонт не сообщает, хотя немаловажно, что Браврон был в родном деме Мильтиада¹⁵, а землякам Артемиды должна была помогать в первую очередь.

Впрочем, как бы там ни было, помощь местных божеств всегда по справедливости расценивается как естественная и ожидаемая, а Пан – бог аркадский, о чем древние авторы всегда охотно напоминают, хотя у афинян он прижился быстро: вдобавок к святилищу под Акрополем было построено еще

¹⁴ Отсюда можно заключить, что персидские потери, пусть преувеличенные Геродотом, все же были значительны – а ведь персы и после этого сохраняли боеспособность, что лишний раз подтверждает их относительную многочисленность. Для Плутарха (*De Herod. malign.* 854e–874c) это повод утверждать, будто Геродот из злонамерения преуменьшил число убитых врагов, но в сытые времена Антонинов жертва шести с лишним тысяч коз могла не казаться большим убытком, а для марафономахов явно была неподъемной.

¹⁵ Суриков 2005: 295.